

УДК 324(470+571)

«ТОВАРИЩИ! РАЗРЕШИТЕ МНЕ ПОБЛАГОДАРИТЬ ВАС ЗА ОКАЗАННОЕ МНЕ ДОВЕРИЕ»: КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ В СОВЕТСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

А.А. Фокин

Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
aafokin@yandex.ru

Рассматривается институт выборов депутатов в Советы разных уровней в позднесоветское время. Утверждается, что депутатский корпус был призван мобилизовать наиболее сознательных людей в государственные структуры и повышать уровень доверия населения к власти.

Ключевые слова: выборы, депутаты, Советы, власть и общество, 1960–1970-е гг., доверие.

Одним из ключевых в современном изучении истории СССР является вопрос об определении специфики советского. С одной стороны, поиски ответа на этот вопрос приводят к пониманию того, что советский период нельзя воспринимать как гомогенный, что необходимо подходить к нему как к эволюционирующей системе, в которой одни элементы сохраняются, а другие кардинальным образом трансформируются. Тоталитарная и ревизионистская парадигмы, выработанные через изучение сталинизма, не могут охватить весь спектр явлений, и зачастую их гораздо сложнее применять к более поздним периодам истории СССР. М. Левин указывает на диспропорции в историографии: «"Пересталинизация" (чрезмерное увлечение Сталиным) советской истории, расширение ее в прошлое и будущее является общей практикой» [Левин, 2008, с. 501]. С другой стороны, начинаются поиски новых подходов к изучению советской эпохи и создание новых ее концепций. В результате этого и методологической диффузии происходит существенное расширение исторического инструментария.

Одним из концептов, который позволяет выявить механизмы, действовавшие между властью и населением, является понятие «доверие». Доверие – один из базовых принципов организации любого устойчивого коллектива, поэтому интерес к нему проявляют представители многих дисциплин, от социологии до генетики.

В 2013 г. в журнале «Неприкосновенный запас» были опубликованы четыре текста, посвященных советскому обществу доверия [Хоскинг, 2013, с. 70–97; Тихомиров, 2013, с. 98–117; Хупер, 2013, с. 118–136; Горлицкий, 2013, с. 136–154]. В них определяются и специфика использования понятия доверия как исследовательской проблемы, и возможности обращения к нему в рамках исторических работ, а также приводятся конкретные примеры применения теории на советском материале. Как отмечает Дж. Хоскинг, «понятие "доверие" и "недоверие", несмотря на все методологические проблемы, которые влечет за собой их использование, могут продуктивно применяться при систематическом исследовании СССР. Особенности многих базовых структур советского общества предопределялись не только напрямую, в силу природы политического режима, но и косвенно, конфигурациями доверия и недоверия, складывающимися в обществе, несущие конструкции которого были разрушены войной, революцией и быстрыми социальными преобразованиями» [Хоскинг, 2013, с. 96–97]. По мнению всех авторов этого тематического блока «Неприкосновенного запаса», в сталинский период понятия недоверия и доверия используются властями одинаково активно. В обществе нагнетается атмосфера постоянной угрозы со стороны внутренних и внешних врагов, поэтому надо быть постоянно бдительным и не доверять коллегам, друзьям, родственникам. В противовес этому формируются вера в лидеров партии и государства и доверие к ним.

А. Тихомиров использует термин «принудительное доверие», который обозначает захват монополии на определение и объективирование, распределение и дозирование доверия и недоверия. При этом режим «принудительного доверия» базируется, с его точки зрения, прежде всего на соблюдении морально-нравственного кодекса чести и в гораздо меньшей степени нуждается в исправной работе законодательной системы, государственных институтов и гражданского общества [Тихомиров, 2013, с. 99]. Можно согласиться с тем, что межличностное доверие как форма адаптации к проблемам советского строя было важной частью социума. Но если для сталинской системы

необходимо было создать атмосферу тревоги и недоверия, то в дальнейшем происходит расширение доверия и на партийно-государственном уровне.

П. Штомпка называет пять макросоциальных обстоятельств, которые благоприятствуют появлению «культуры доверия»: 1) нормативную согласованность; 2) стабильность социального порядка; 3) прозрачность социальной организации; 4) ощущение понятности окружающего мира; 5) подотчетность других людей и институтов [Фреик, 2006, с. 15]. Анализируя ситуацию в позднем СССР, следует признать, что происходит распространение «культуры доверия». Даже понятие «застой», которое закрепилось за брежневским периодом, связано с теми элементами, которые выделяет П. Штомпка. Стабильность социального порядка позволяет людям доверять как окружающим, так и системе.

Особенность 1960–1970-х гг. – трансформация взаимоотношений власти и общества. Партийно-государственный аппарат переходит к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении власти. Все это способствовало формированию «режима эмпатии», который не табуировал и отвергал, а принимал индивидуальные чувства, потребности и надежды советского гражданина и реагировал на них [Tikhomirov, 2013, p. 78–118; Фокин, 2012]. Результатом данной политики стали рост доверия к советскому порядку и общественная стабилизация, пик которой приходится на брежневское время. Схожие идеи высказывает и А. Юрчак [Юрчак, 2014], рассуждая о последнем советском поколении. В частности, он критикует концепцию «хомо советикус», которая апеллирует к подчинённому и пассивному положению советских граждан, и говорит о гармонии амбивалентностей в позднем социализме, которые как раз и не были антагонистами, а обеспечивали целостность и гибкость системы. Э. Кулевиц пишет: «Многочисленные свидетельства различных периодов истории Советского государства подтверждают, что партийное руководство уделяло огромное внимание проблеме “обратной связи” с обществом» [Кулевиц, 2009, с. 35].

Одним из механизмов такой «обратной связи», служившим установлению доверия между властью и обществом, был институт выборов. Возвращаясь к концепции П. Штомпки, можно отметить, что выборы в СССР обеспечивали нормативную согласованность, поскольку опирались на сложившиеся правовые и моральные нормы; стабильность социального порядка через постоянство и предсказуемость процесса голосования. Прозрачность же социальной организации заключалась в публичном характере выборов. Кроме того, депутаты должны были отчитываться перед избирателями о выполнении наказов и существовали процедуры отзыва депутатов, что можно рассматривать как форму подотчетности. Исходя из этого можно говорить о том, что одной из скрытых функций электорального процесса в СССР было поддержание или рост доверия к существующей системе. Конечно, в полной мере мы не можем буквально воспринимать ритуальные элементы советской политической системы и полностью доверять риторике того периода. Так, одной из главных проблем системы Советов, осознаваемой и самими депутатами, было отсутствие реальных рычагов власти. Зачастую депутаты были не способны выполнять наказания избирателей и просто создавали видимость работы Советов.

В. Дж. Патцельт, размышляя о выборах в современных диктатурах, выделяет четыре основные функции выборов: демократическую «функцию легитимизации», через которую выражается публичная поддержка правительства; «манипуляцию имиджем», с помощью которой строится демократический фасад; «фальсификацию предпочтений», т.е. попытку создать общепринятую веру в то, что все поддерживают режим; наконец, «функцию согласования/распределения удобств», с помощью которой обещания разделить трофеи становятся более надежными/ внушающими доверие [Patzelt, 2011, p. 126–145].

Помимо этого в советских выборах проявляется былая и явная апелляция к идее доверия. Если в современных обществах культуру доверия к власти можно изучать посредством социологических методик, то применительно к прошлому это становится серьезной источниковедческой проблемой. Представляется, что доверие может быть как внутреннее, основанное на личных убеждениях индивида, и внешнее, связанное с определенными общественными ритуалами, участвуя в которых люди солидаризируются как горизонтально, так и вертикально. В первом случае основным источником могут быть различные эго-документы, позволяющие частично реконструировать внутренний мир человека. Во втором – важны источники, призванные зафиксировать нормативность выполнения ритуалов или их нарушения. В рамках данной статьи интерес представляют именно

внешние формы выражения доверия к власти в ходе избирательного процесса. В силу этого основным источником исследования являются протоколы собраний по выдвижению кандидатов в депутаты, а также различные обобщающие и аналитические сводки, составленные по итогам выборов как на местном, так и на общесоюзном уровне. Их источниковедческий потенциал заключается в том, что, с одной стороны, они довольно сильно формализованы, благодаря чему можно увидеть структуру «советского избирательного ритуала», а с другой стороны, они позволяют системе чутко реагировала на любые отклонения от нормы и выявлять причину этого.

Протоколы собраний по выдвижению депутатов демонстрируют, что использование термина «доверие» было широко распространено и, можно сказать, ритуализировано. Выступающие говорили о том, что они оказывают кандидату доверие и верят в то, что он его оправдает. Сами кандидаты благодарили товарищей за оказанное доверие. «Огородниченко Н.С. – машинист электровоза. Товарищи! Разрешите мне поблагодарить Вас за оказанное мне доверие. А у меня к вам будет одна просьба, не отказывать мне в помощи» (ОГАЧО. Ф. Р-274б. Оп. 10. Д. 1819. Л. 9); «Я уверен, что т. Феоктистова оправдает доверие избирателей и призываю всех избирателей в день выборов 15 июня отдать свои голоса за кандидата в депутаты Челябинского Совета т. Феоктистову Р.М.» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1819. Л. 32); «Трудящиеся нашего завода оказали Коротковой Н.Г. большое доверие, выдвинув ее кандидатом в депутаты областного Совета депутатов трудящихся» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1819. Л. 35); «В 1971 г. ему было оказано это большое доверие коллектива и он с честью его оправдал, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР восьмого созыва» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1864а. Л. 24); «Выдвижение кандидатами в органы Советской власти членов политбюро говорит о безграничном доверии Советского народа к внутренней и внешней политике, которую проводит Коммунистическая партия Советского Союза» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1864а. Л. 32); «Анна Григорьевна беспартийна, но не стоит в стороне от общественной деятельности. Мы дважды избирали ее депутатом областного Совета депутатов трудящихся, и она со всей добросовестностью оправдывает это высокое доверие» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1864а. Л. 178).

Кроме того, во время выборов апелляция к доверию проявлялась в существовании доверенного лица кандидата в депутаты. Это был человек, выдвигаемый в период кампании по выборам в Советы депутатов трудящихся для знакомства избирателей с кандидатом в депутаты. В положениях о выборах этот аспект прописан не был, но на практике он всегда реализовывался. Определение доверенного лица проходило вместе с выдвижением кандидата на предвыборном совещании. Необходимость такой фигуры в советской электоральной системе может быть объяснена в первую очередь тем, что кандидаты не всегда имели возможность встречаться с избирателями, особенно если речь шла о выборах в высшие органы власти. Так, в Верховный Совет СССР и РСФСР нередко выдвигались министры, генералы, выдающиеся деятели культуры, представители партийной номенклатуры, которые в силу занятости не могли приехать в тот избирательный округ, по которому баллотировались, и обязанность информировать избирателей о кандидатах перекладывалась на доверенное лицо. В случае выборов в Советы более низкого уровня ситуация была иная: доверенное лицо должно было выдерживать нужную идеологическую линию в ходе избирательной кампании. Часто образовательный уровень кандидатов не позволял им верно и грамотно выражать верность партии и правительству. Необходимо было вписать каждого кандидата в актуальные политические реалии: в большинстве своем это были рабочие и крестьяне, которые не всегда знали про решения очередного пленума партии, поэтому к ним был приставлен более опытный товарищ. Тем не менее эта схема не всегда срабатывала идеально: «Слабо проводится агитация за кандидатов по месту жительства. Мало где слышен голос доверенного лица, о нем, как правило, не знают секретари Участковых избирательных комиссий, нигде не предусмотрено их выступление в планах работы агитпунктов» (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1731. Л. 18). В результате население стремилось оказать доверие кандидату, а кандидат доверял доверенному лицу вести избирательную кампанию.

Кто же должен был оправдывать доверие советских граждан и быть слугой народа? Весьма интересен список кандидатов в Верховный Совет СССР от Челябинской области в 1969 г.: в Совет Национальностей – маршал Советского Союза К.С. Москаленко, в Совет Союза по округу 345 – монтажница Челябинского радиозавода Е.Н. Портнягина, по округу 346 – первый секретарь горкома М.Г. Воропаев, по округу 347 – директор Челябинского тракторного завода Г.В. Замченко, по округу 348 – министр оборонной промышленности А.С. Зверев, по округу 349 – телятница Боровинского совхоза Е.А. Лаптева, по округу 350 – машинист комбайна шахты №4 б треста «Копейск-

уголь» Г.Д. Андреев, по округу 351 – первый секретарь обкома Н.Н. Родионов, по округу 352 – старлевар Магнитогорского металлургического завода Н.Д. Аверьянов, по округу 353 – директор Уральского автозавода В.А. Грушкин, по округу 354 – сдатчица огнеупорных изделий завода «Магнезит» А.И. Цветкова, по округу 355 – председатель облисполкома И.П. Гайворонцев. Можно выделить три группы кандидатов: представители партийного аппарата или органов государственной власти, руководители предприятий и учреждений, делегаты из народа – рабочие, колхозники, интеллигенция.

Поскольку выборы в Верховный Совет были самыми значимыми, туда должны были попадать «лучшие люди». Проиллюстрировать эту тенденцию можно биографией кандидата 1974 г.: «Иван Ефимович Погорелец родился в 1926 году в деревне Вязовка Давлекановского района Башкирской АССР, в семье крестьянина.

За время работы на Челябинском металлургическом заводе Иван Ефимович стал передовым, высококвалифицированным рабочим, более 20 лет он находится в рядах КПСС. Ему присущи такие качества, как высокая дисциплина, чувство долга и ответственности перед коллективом, творческое отношение к труду.

Бригада, в которой работает И.Е. Погорелец, в 1973 году прокатала сверх плана более 8 тысяч тонн металла, а за три года пятилетки – 13 тысяч тонн. На 1974 год принят встречный план, намечено прокатить дополнительно 2 тысячи тонн стали.

Иван Ефимович Погорелец свою производственную деятельность умело сочетает с большой общественной работой, является членом обкома КПСС, партгруппоргом, избирался делегатом XXIV съезда КПСС.

В 1966 году И.Е. Погорелец удостоен высшей награды Родины – ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот» (ОГА-ЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1733. Л. 2). Для прохождения в Советы более низкого уровня требовались заслуги скромнее.

Необходимо отметить, что, несмотря на стремление партийно-государственного аппарата укомплектовать штат «лучшими людьми», особенно на местах, это было сложно сделать из-за дефицита кадров. Одной из больших проблем в плане формирования облика власти было поведение отдельных руководителей. Газеты, обкомы и даже центральные органы получали множество жалоб от населения на начальство разного уровня. Наиболее частые мотивы – использование служебного положения в личных целях, взяточничество, алкоголизм и моральное разложение (РГАСПИ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 110). Естественно, что такое поведение представителей государственных органов дискредитировало всю систему советской власти, но зачастую в силу или личных связей, или отсутствия замены подобные руководители оставались на своих постах.

Если вернуться к кандидатам в депутаты Верховного Совета, то часть их выдвигалась благодаря своей должности и положению. Но по какому принципу из рабочих и колхозников выбирали тех, кто поедет в Москву или будет работать в местных Советах? Для кандидатов существовала система квот, призванная обеспечить всенародность власти, поэтому необходимо было соблюдать определенные пропорции между партийными и беспартийными, мужчинами и женщинами, взрослыми и молодежью. В рамках этих квот требовалось найти наиболее достойных кандидатов исходя из определенных критериев (успехи на производстве, активная общественная деятельность, наличие наград и т.д.). Боролись потенциальные кандидаты не за голоса избирателей, а за определенный символический капитал. Человек, который более всего соответствовал идеальному типу депутата в рамках советской политики, получал одобрение как со стороны властных институтов, так и со стороны населения. Можно говорить, что голосование, носившее во многом ритуальный характер, было только завершающей частью сложного избирательного процесса в рамках советской демократии. На мой взгляд – это важный и принципиальный момент – система конкурирующих выборов не должна восприниматься как единственно возможная и верная, принцип отбора кандидатов в СССР имел и минусы, и плюсы. Режим, не имея возможности широко использовать насилие и менять правила игры, одним из каналов легитимации видел именно отождествление власти с наиболее достойными людьми. Так, Челябинский обком партии отмечал, что «отдельные горкомы и райкомы партии, первичные парторганизации невнимательно отнеслись к подбору отдельных кандидатов, заблаговременно не выяснив отношение коллектива к рекомендуемым товарищам. Вместе с тем это свидетельство возросшей требовательности избирателей к деятельности депутатов» (РГА-

НИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 23). Необходимым требованием к кандидатам в депутаты было одобрение коллективами, т.е. они, по сути, выбирали до выборов, а в день голосования просто официально подтверждали свой выбор.

Подводя итоги, необходимо отметить, что процесс выборов в СССР в 1960–1970-е гг. был сложным и многофакторным явлением. В этом плане выборы напоминали айсберг: само голосование являлось только незначительной частью процесса, которая видна. «Подводная» часть позволяла создать устойчивые связи между властью и населением, основанные на принципах взаимного доверия. Это не значит, что все граждане СССР доверяли существующей системе. Массовые беспорядки, возникновение антисоветских групп, диссидентское движение указывают на то, что позднесоветский строй имел большое количество внутренних проблем. Многие участвовали в выборах, обнаруживая свое отношение к ним, а воспринимая это как необходимый шаг, забывая сразу после голосования имя кандидата. Но в выборах в СССР в 1960–1970-х гг. стремились соединить как демократические черты, так и предсказуемость для власти и населения. Представляется, что значительная часть населения была согласна с особенностями советских выборов, взамен получая социальную, экономическую и политическую стабильность.

Примечания

¹ <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4481141> (дата обращения: 10.10.2014).

² Баберовски Й. Выжженная земля. Сталинское царство насилия. М., 2014.

³ Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. М., 2007; Он же. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2011.

⁴ Baberowski J. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. München, 2003; Idem. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus: 2. Aufl. München, 2004.

⁵ Baberowski J. Der rote Terror... S. 26. Idem. Verbrannte Erde... S. 44 – 45. Обе цитаты приведены в моем переводе, чтобы исключить стилистические особенности двух переводов, добротного выполненного А. Гаджикурбановой и Л.Ю. Пантиной.

⁶ Баберовски Й. Выжженная земля... С. 46.

⁷ Там же. С. 7 – 8.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ См., например: Baberowski J.. Moderne Zeiten? Einführende Bemerkungen // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert / J. Baberowski (Hg.). Göttingen, 2006. S. 7–10.

¹⁰ Баберовски Й. Выжженная земля... С. 22.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 298 – 299.

¹³ Там же. С. 304.

¹⁴ Там же. С. 382 – 383.

¹⁵ Там же. С. 383.

Список источников

Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 1731, 1733, 1819, 1864а.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 23.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 110.

Библиографический список

Горлицкий Й. Структуры доверия после Сталина // Неприкосновенный запас. 2013. №6 (092).

Кулевиц Э. Народный протест в хрущевскую эпоху: Девять рассказов о неповиновении в СССР. М., 2009.

Левин М. Советский век. М., 2008.

Тихомиров А. «Режим принудительного доверия» в Советской России, 1917–1941 гг. // Неприкосновенный запас. 2013. №6 (092).

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы коммунистического будущего у власти и населения СССР в 1950–1970-х гг. Челябинск, 2012.

Фреик Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс. 2006. № 1.

Хоскинг Дж. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор // Неприкосновенный запас. 2013. №6 (092).

Хупер С. Доверие и террор: в поисках научного подхода к кадрам // Неприкосновенный запас. 2013. №6 (092).

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

Patzelt W.J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations // Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships. Campus Verlag, 2011.

Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941 // Slavonic and East European Review, Special Issue «Trust and Distrust in the USSR». 2013. Vol. 91, No. 1, January.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.03.2015

«COMRADES! LET ME THANK YOU FOR ENTRUSTING ME»: CULTURE OF TRUST IN THE SOVIET ELECTORAL PROCESS

A. A. Fokin

Chelyabinsk State University, Brat'yev Kashirinykh str., 129, 454001, Chelyabinsk, Russia
aafokin@yandex.ru

The 1960s and the 1970s were the time of the transformation of interactions between the government and the society. The government shifted to the arrangement and intensification of political communication channels, the organization of the areas and niches for the engagement of an individual into the field of cooperation and participation in the exercise of power. The institution of elections was a mechanism used for the reinforcement of trust between the government and the society. Developing the approach of Piotr Sztompka, the author states that the Soviet elections provided regulatory consistency, because they were based on customary legal and moral standards. They provided the stability of social order through the consistency and predictability of the voting process. The transparency of social organization lied in the public nature of elections and the roles of deputies as the people's representatives; in its turn, it provided accountability and, as a result, created an idea of the understandability of the world around. The idea of trust was also directly present in the Soviet elections. The records of meetings to nominate candidates for deputies show that this term was widely used and ritualized. Additionally, the invocation of trust during the Soviet elections manifested itself in the figure of constituency agents of deputy candidates. The principles of the Soviet democracy were considerably different from the liberal variant of democracy and were based not on the competition model, but on certain game rules. The elections in the USSR in the 1960s and the 1970s were an attempt to amalgamate some democratic features with the predictability of the results for the government and the population. It appears that the significant part of the population accepted those specific features of the elections in the USSR in exchange for social, economic, and political stability.

Key words: election, deputies, the Soviets, government and society, the 1960s and the 1970s, trust.

References

- Fokin A.A. «Kommunizm ne za gorami»: obrazy kommunisticheskogo budushchego u vlasti i naseleniya SSSR v 1950-1970-kh gg. Chelyabinsk, 2012.
- Freik N.V. Kontseptsiya doveriya v issledovaniyakh P. Shtompki. *Sotsis*. 2006. № 1.
- Gorlitskiy Y. Struktury doveriya posle Stalina. *Neprikosnovenny zapas*. 2013. №6 (092).
- Khosking Dzh. Doverie i nedoverie v SSSR: obshchiy obzor. *Neprikosnovenny zapas*. 2013. №6 (092).
- Khuper S. Doverie i terror: v poiskakh nauchnogo podkhoda k kadram. *Neprikosnovenny zapas*. 2013. №6 (092).
- Kulevig E. Narodnyy protest v khrushchevskuyu epokhu. Devyat' rasskazov o nepovinovenii v SSSR. M., 2009.
- Levin M. Sovetskiy vek. M., 2008.
- Oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGAChO). F. R-274. Op. 10. D. 1731, 1733, 1819, 1864a.
- Patzelt W.J. Elections in Modern Dictatorships: Some Analytical Considerations. *Voting for Hitler and Stalin: Elections Under 20th Century Dictatorships*. Campus Verlag, 2011.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 5. Op. 61. D. 23.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 591. Op. 1. D. 110.
- Tikhomirov A. «Rezhim prinuditel'nogo doveriya» v Sovetskoy Rossii, 1917-1941 gody. *Neprikosnovenny zapas*. 2013. №6 (092).
- Tikhomirov A. The Regime of Forced Trust: Making and Breaking Emotional Bonds between People and State in Soviet Russia, 1917–1941, in: Slavonic and East European Review, Special Issue «Trust and Distrust in the USSR», Vol. 91, No. 1, January 2013.
- Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M., 2014.